

Прощание по-берлински

«Фальстаф» в театре Штаатс опер стал демонстрацией меломанов под лозунгом «Не отдадим Аббадо!»

В берлинском театре «Штаатс опер на Унтер-ден-Линден» прошла премьера, эхо которой раскатилось по всему миру. «Фальстаф» спел Руджеро Раймонди, за пультом стоял Клаудио Аббадо.

Вообще Берлин именами удивить трудно. Как и насыщенностью музыкально-театральной жизни. Еще недавно здесь были два города, разделенные стеной. В каждом своя система, каждый хотел быть первым, каждый усердно развивал свою культурную среду. После объединения Берлин стал обладателем такого количества первоклассных оркестров, театров и музеев, каким не может похвастаться ни одна европейская столица.

Три крупнейших музыкальных театра города — Штаатс опер, Дейче опер и Комише опер — работают по принципу, о котором мы в Москве можем только мечтать, — постоянного участия мировых звезд. Это требует неведомой нашим театрам дисциплины и надежности: жизнь звезд спланирована на много лет вперед, и поэтому каждый театр точно знает, что и в каком составе он покажет где-нибудь 27 февраля 2000 года. На самые сенсационные премьеры билеты раскупаются за много месяцев.

Все же этот «Фальстаф» был особенным. Он был столько же спектаклем, сколько демонстрацией, которую учинили бер-

линские меломаны. За несколько дней до премьеры 64-летний Клаудио Аббадо, музыкальный руководитель Берлинского филармонического оркестра, заявил в одном из интервью, что срок его контракта истекает в 2002 году и он не намерен его продлить — «хочется немного отдохнуть, порыбачить, почитать». Это повергло любителей музыки в шок. Приняв оркестр в 1989 году после смерти Герберта фон Караяна, Аббадо поддержал и укрепил репутацию этого коллектива как лучшего симфонического оркестра мира. По приглашению Даниэля Баренбойма, музыкального руководителя Штаатс опер, Караян не раз становился за пультом театрального оркестра. Вот и на сей раз он был одним из авторов спектакля «Фальстаф», а стал главным героем вечера.

В премьеры, кроме Аббадо и Раймонди, участвовало столько «первачей» мировой оперной сцены, что спектакль можно было считать историческим. Достаточно сказать, что миссис Квкли пела блистательная Марьяна Липовсек, диски которой по всему миру нарасхват. Спектакль ставил Джонатан Миллер, основатель и звезда популярного в 60-х комедийного экспериментального телешоу «За гранью», породившего целый стиль на телевидении. Стиль этот был потом продолжен такими програм-

мами, как «Летающий цирк Монти Питона», а Миллер ушел в Шекспира и много его ставил в Англии на драматической сцене. А его спектакли в английской Национальной опере, Гранд-опере Хьюстона и в нью-йоркской «Метрополитен» принесли ему репутацию одного из самых ярких оперных режиссеров мира...

Перед началом берлинского «Фальстафа» прозвучало тревожное объявление. Долгожданный Руджеро Раймонди плохо себя чувствует, он простужен, но не хочет лишать зрителей удовольствия насладиться спектаклем, он попробует спеть, но просит о снисхождении. Охнувшая было публика с облегчением вздохнула. Она уже объединена общим ожиданием и теперь готова «болеть» за Раймонди, оперный вечер назлектризован, как на футбольном матче.

Раймонди действительно слегка хрипел. Но пел превосходно, сумев и беду использовать как дополнительную краску в вокальной характеристике бедолаги Фальстафа. Артист обошелся без традиционного для этой партии гротескного грима, не понадобились комические «толщинки», он вообще играл Фальстафа с тонкой кожей, который искренне страдает от насмешек и унижений. В трактовке знаменитого сюжета явно отразились новейшие психологические поветрия политкорректности, требующие обяза-

тельного сочувствия страдающему, пусть это даже комедия. Концепция задавалась уже художником (Герберт Каппльмюллер): суперзанавес изображал любопытного ангела, предлагающего нам заглянуть в дырку. Сцена и становилась огромной дыркой для подсматривания, и зритель каждый миг должен был чувствовать недостойность такого занятия.

Второй акт, как водится, поража́л живописностью дьявольских забав, здесь налицествовали и сон разума, и чудовища, а мы в зале болели за этого сэра Фальстафа и очень ему сочувствовали. Добро и справедливость в этот вечер победили так убедительно, как никогда ранее.

Стены Штаатс опер дрожали. Публике не хватало ладоней, в ход шли пятки, зал кричал, вопил, орал, хлопал и топал одновременно. Землетрясение достигло апогея, когда к счастливым артистам вышел Аббадо. Вот здесь публике и

представилась возможность выразить свое отношение к предстоящему (через четыре года!) расставанию. Аббадо не привыкать к овациям, но такого приема, я думаю, он не забудет никогда.

Одного такого события московским любителям оперы хватило бы на год воспоминаний. Но уже через пару дней берлинская Дейче опер предложила «Аиду», анонсы которой дали крупнейшие газеты Европы:

поют Элен Бикерс и Саймон Эстес. Об этом — в другой раз.

Валерий КИЧИН,
«Известия».

БЕРЛИН—МОСКВА.

Руджеро Раймонди в берлинском «Фальстафе».